

© 2020. Ю. В. Лебедев
Костромской государственный университет
г. Кострома, Россия

Идеал народной монархии в русской литературе второй половины XIX — начала XX вв.

В статье раскрывается русское народное представление о самодержавном правлении, наделенном от Бога диктатурой православной совести, поднимающей государя над всеми сословиями и всеми партиями поврежденного грехопадением общества. Доказывается, что особую роль идеала «народной монархии» в исторических судьбах России осознали консерваторы в лице М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева, славянофилы в лице А. С. Хомякова, И. В. Киреевского и К. С. Аксакова, радикальные демократы в лице В. Г. Белинского и А. И. Герцена. К идеалам «народной монархии» была причастна и русская литература: А. Н. Островский в исторической хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», Н. А. Некрасов в поэмах «Несчастные», «Тишина» и «Притча». Укорененность монархического инстинкта в русском национальном сознании начала XX в. показал Б. Н. Ширяев в художественно-документальном повествовании о судьбе мужицкого царя Петра в старообрядческом селе Урень Варнавинского уезда Костромской губернии.

Ключевые слова: народная монархия, диктатура совести, консерваторы, славянофилы, западники, мужицкий царь.

Информация об авторе: Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Костромской государственный университет, ул. Дзержинского, д. 17, 156005, г. Кострома, Россия

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 03.04.2020

Дата публикации статьи: 17.06.2020

Для цитирования: Лебедев Ю. В. Идеал народной монархии в русской литературе второй половины XIX — начала XX вв. // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 8–27. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-08-27

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Yuriy V. Lebedev
Kostroma State University
Kostroma, Russia

The ideal of the popular monarchy in Russian literature of the second half of the 19th — the early 20th centuries

The article reveals the Russian popular idea of autocratic rule endowed with God by the dictatorship of the Orthodox conscience, raising the sovereign over all classes and all parties damaged by the fall of society. It is proved that the conservatives in the person of Mikhail Katkov and Konstantin Pobedonostsev, the Slavophiles in the persons of Aleksey Khomyakov, Ivan Kireyevsky and Konstantin Aksakov were aware of the special role of the ideal of “people’s monarchy” in the historical fate of Russia, the radical democrats represented by Vissarion Belinsky and Alexander Herzen. Russian literature was also involved in the ideals of the “people’s monarchy”: Alexander Ostrovsky in the historical chronicle “Kozma Zakharyich Minin-Sukhoruk”, Nikolay Nekrasov in the poems “The Unfortunate”, “Silence” and “Parable”. The rootedness of the monarchy instinct in the Russian national consciousness of the early 20th century is shown by Boris Shiryayev in the artistic and documentary narrative about the fate of the peasant tsar Peter in Uren, at that time an Old Believer village of Varnavino district of Kostroma Province.

Keywords: popular monarchy, dictatorship of conscience, conservatives, Slavophiles, Westernisers, peasant tsar.

Information about the author: Yuriy V. Lebedev, DSc in Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Kostroma State University, Dzerzhinsky st. 17, 156005, Kostroma, Russia

E-mail: y.v.lebedev@yandex.ru

Received: April 03, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Lebedev Yu. V. The ideal of the popular monarchy in Russian literature of the second half of the 19th — the early 20th centuries // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 8–27. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-08-27

«Банальная интеллигентская терминология определяет “самодержавие” или как “абсолютизм”, или как “тиранию”, — писал И. Л. Солоневич. — По существу же, “самодержавие” не может быть определено терминологически, оно должно быть описано *исторически*: русское самодержавие есть совершенно *индивидуальное* явление, явление исключительно и типично *русское*: «диктатура совести», как несколько афористически определил его Вл. Соловьев. Это — не диктатура аристократии, подаваемая под вывеской “просвещенного абсолютизма”, это не диктатура капитала, сервируемая под соусом “демократии”, не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, — это “диктатура совести”, в данном случае *православной* совести. Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе и религиозную совесть народа, и его политическую организацию» [Солоневич: 56].

I

После январской катастрофы 1881 г., когда народовольцы убили царя-освободителя Александра II, М. Н. Катков выступил со статьей «Единственный царский путь» на страницах газеты «Московские ведомости». В этой статье, адресованной Александру III, Катков четко сформулировал идеал «народной монархии»:

«Предлагают много планов... Но есть один царский путь.

Это — не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. С высоты царского трона открывается стомиллионное царство. Благо этих ста миллионов и есть тот идеал и вместе тот компас, которым определяется и управляется истинный царский путь.

В прежние века имели в виду интересы отдельных сословий. Но это не царский путь. Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий, цехов, разрядов и классов. Бароны и простолюдины, богатые и бедные при всем различии между собой равны пред Царем. Единая власть и никакой иной власти в стране, и стомиллионный, только ей покорный народ, вот истинное царство» [Катков: 86–87].

К идеалу «народной монархии» задолго до Каткова подходили в своем творчестве славянофилы. Самобытность русского исторического развития А. С. Хомяков, И. В. Киреевский и К. С. Аксаков видели в том, что наша государственность складывалась более органично и естественно, чем у народов Запада. Государства западноевропейские возникали в результате завоевания воинственными германскими племенами коренного населения и насильственной его ассимиляции. Для покорения поработанных народов завоевателям приходила на помощь регламентирующая жизнь юридическая власть.

В России не было геноцида завоеванных племен даже в эпоху монголо-татарского ига. Поэтому гражданские права и обязанности, общественные, личные и семейные отношения не нуждались у нас в неременном юридическом оформлении. «Святость предания» всегда предпочиталась на Руси законодательным формальностям, нормы обычного права были у нас жизнеспособнее, чем на Западе. Поэтому в русском национальном характере начало «мира», соборного единения преобладало над началом эгоистического обособления.

Петровская реформа, подчинившая церковь государству, заменившая патриаршество Святейшим Синодом, нарушила «симфонические» отношения между духовной и светской властью, ослабила благодатное влияние церкви на все сферы русской жизни. А насильственно «европеизированная» высшая прослойка нашего общества порвала связь с народом, с национальной культурой, а порой и с православной духовностью.

В европеизации России славянофилы видели угрозу самой сущности национального бытия. Поэтому они критически относились к петровским реформам, к правительственной бюрократии. Здесь славянофилы развивали взгляды Н. М. Карамзина. В записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзин утверждал: «Петр объявил себя главою церкви, уничтожив патриаршество, как опасное для самодержавия неограниченного. <...> Со

времен Петровых упало духовенство в России. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные. Для похвал мы имеем стихотворцев и придворных — главная обязанность духовенства есть учить народ добродетели, а чтобы сии наставления были тем действительнее, надобно уважать оное. <...> Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита, или патриарха, с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданнической покорности» [Карамзин: 36].

Под влиянием Карамзина находился и А. С. Пушкин. Вольность у него сочетается со святостью, никогда не переходя в своеволие. Над свободой у Пушкина распростер свои крылья Закон. Обращаясь к земным владыкам всех времен и народов, Пушкин говорит:

Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон [Пушкин I: 322].

Речь идет именно о вечном Законе, не людьми изобретенном и не ими над собою установленном. Он может иметь разные формы своего проявления и воздействия на людей, но суть Закона вечна и неизменна. Вольность без святости и Закона вырождается в тиранию и своеволие.

Вслед за Карамзиным славянофилы так же решительно возражали против искусственного насаждения в России парламентской демократии. Они считали глубоко национальной монархическую государственность, но полагали, что Петр Великий допустил существенное ее искажение. Поэтому славянофилы хотели реформировать самодержавие в духе идеалов православной «соборности».

Самодержавие должно обновиться, встав на путь содружества с Церковью и «Землею». В своих решениях оно обязано опираться на мнение народное, периодически созывая Земский собор. Государь призван выслушивать мнение всех сословий общества, но принимать окончательное решение единолично, в согласии с христианским духом добра и правды. Не демократия с ее голосованием и механической победой большинства над меньшинством, а согласие, приводящее к еди-

нодушному, «соборному» подчинению державной воле, которая должна быть свободна от сословной, партийной ограниченности и служить общенациональным интересам.

Такой взгляд на природу царской власти был близок народному пониманию. Стомиллионный русский народ выразил его в следующих пословицах: «Бог на небе, Царь на земле»; «Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится»; «Светится одно солнце на небе, а Царь русский на земле»; «Нельзя быть земле русской без Государя»; «Без Царя — земля вдова»; «Народ — тело, Царь — голова»; «Государь — батька, земля — матка»; «Душой Божьи, телом Государевы»; «Богат Бог милостию, Государь жалостию»; «Царь от Бога пристав»; «Сердце Царево в руке Божией» [Даль: 189–191].

В исторической хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» А. Н. Островский показал, что в смутные для России времена, когда престол царский перешел в руки католиков-поляков, народ не бунтовал, не впадал в «вечевое бешенство». Напротив, он, опираясь на свои национальные святыни, на вековечный идеал «народной монархии», восстанавливал поправленную государственность. Не социальный протест, а жгучая обида за оскверненные религиозные святыни увлекает новгородского купца Минина на патриотический подвиг: «Друзья и братья! Русь святая гибнет! / Друзья и братья! Православной вере, / В которой мы родились и крестились, / Конечная погибель предстоит» [Островский б: 80]. В годы смуты не верхи общества, не бояре, не представители обанкротившейся государственной власти, а именно *верующий народ* становится творческой силой истории, защищающей национальные духовно-нравственные и государственные устои.

Создавая свою историческую хронику, Островский не угодил в ней господствующим настроениям эпохи. «Неуспех «Минина, — писал он, — я предвидел и не боялся этого: теперь овладело всеми *вечевое бешенство*, и в Минине хотят видеть демагога¹. Этого ничего не было, и лгать я не согласен. Подняло Россию в то время не земство, а боязнь костела, и Минин видел в земстве не цель, а средство. Он собирал деньги на великое дело, как собирают их на церковное строение. Если Минин — демагог, так демагог и Михаил Романов, который после обращался к земщине за теми же нуждами и в тех же самых словах.

¹ Вождя, возглавившего бунтующий народ. — Ю. Л.

Нашим критикам подавай бунтующую земщину; да что же делать, коли негде взять? Теоретикам можно раздувать идейки и врать: у них нет конкретной проверки; а художникам нельзя: перед ними — образы» [Островский 11: 165].

II

Потенциальную возможность царской власти подняться над словесной ограниченностью парламентаризма ради общенационального интереса так или иначе признавали вслед за славянофилами и западники. Только в полемике со славянофилами они видели историческую реализацию «народной монархии» в деятельности Петра I. Вспомним, как оценивал его В. Г. Белинский: «Петр сделал именно то, для чего послал его, что поручил ему Бог, — ему, своему посланнику и помазаннику свыше; он угадал волю духа времени, — и не свою, а волю посланного его выполнил он, — потому-то он и великий человек. Только маленькие-великие люди таращатся выполнить свою случайную волю: воля великих людей всегда совпадает с волею Божию, которою и сильны они, которою и удаются им дела их» [Белинский 2: 156].

Белинский считал Петра I творцом всего, что есть, было и будет в России великого и значительного: «Хотя Петр Великий ничего не писал и не издавал, подобно Екатерине II, но тем не менее он так же творец русской литературы, как и творец русской цивилизации, русского просвещения, русского величия и славы, словом — творец новой России. Написать историю русской литературы, не сказав ни слова о Петре Великом, — это все равно, что написать о происхождении мира, не сказав ни слова о Творце мира» [Белинский 5: 82].

В отличие от Белинского Н. А. Добролюбов не питал никаких иллюзий на этот счет. Уже в 1858 г. он решительно высказался против идеализации личности Петра I. В статье «Первые годы царствования Петра Великого» он заметил: «До сих пор нам обыкновенно рисовали Петра риторическими красками, заимствованными из похвального слова ему, сочиненного Ломоносовым. Петр представлялся нам в сверхъестественном, невозможном величии какого-то полубога, а не великого человека...» [Добролюбов 3: 79]. Он опубликовал эту статью в шестом, седьмом и восьмом номерах «Современника» за 1858 г.

А во втором номере за этот же год была напечатана поэма Н. А. Некрасова «Несчастные», где Петр I предстал перед читателями «в величии полубога»:

Встает во мраке подземелья
 Пред нами чудный лик Петра,
 И как монашеская келья
 Тиха преступников нора.
 Сносней наутро труд несносный,
 Таскаешь горы на плечах,
 Чтоб трудолюбец венценосный
 Сказал спасибо в небесах... [Некрасов 4: 44–45].

Полемическое острие статьи Добролюбова двусторонне. Полемика не сводится к критике концепций петровского царствования в официальной историографии. Добролюбов спорит также с преувеличенной оценкой личности Петра I в демократическом кругу Белинского и Герцена, к которому примыкает Некрасов.

По словам А. И. Герцена, Петр I заслуживает особенной благодарности за тот «толчок, который дал всей стране, за движение, которое он сообщил нации и которое с тех пор не замедлялось. Петр I понял скрытую силу своего народа, так же как и препятствие, мешавшее развитию этой силы; с энергией революционера и упрямством самодержца он решил окончательно порвать с прошедшим...» [Герцен 6: 207].

Заметим, что высокая оценка деятельности Петра русскими западниками невольно приводила их к одобрению петровского «самовластья». В стихотворении «14 декабря 1825 года» Ф. И. Тютчев неспроста назвал декабристов «жертвами мысли *безрассудной*», ибо их освободительный порыв не опирался на глубокое знание духовных устоев России:

Вас развратило Самовластье,
 И меч его вас поразил.

Главный объект критики Тютчева в этих стихах — «самовластье». Самодержавие и самовластье — явления диаметрально противоположные. Самодержавие — монархическое правление, основанное на

«симфонии» между властью светской и властью духовной. Воля самодержца — «святая воля», если она согласована с высшим Божественным Законом. Отрицание этой «симфонии» со стороны государства или со стороны общественного движения ведет к нарушению органического развития национальной жизни, которое сопровождается политическими катаклизмами.

Отдельный человек или группа лиц не должны противопоставлять свою волю исторически сложившемуся направлению народной жизни. Тютчев вдохновляется мыслью о религиозном значении нации, ее традиционного своеобразия и ее особых исторических задач. Нельзя механически переносить западноевропейское политическое и социальное устройство на русскую почву, не считаясь с высокой ценностью коллективного народного сознания, «духа народа» как мистического целого. Обращаясь к декабристам, он говорит:

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память для потомства,
Как труп в земле, схоронена [Тютчев: 58].

Тютчев отождествляет здесь политику Александра I с действиями декабристов, которые являются «детьми» его государственного самовластья. Тютчев полагает, что без серьезного национального самопознания любое политическое деяние, от кого бы оно ни исходило — от государственной власти или от оппозиционного общественного движения, — обернется на практике насилием над жизнью, *самовластьем*, деспотизмом.

Герцен в отличие от славянофилов и Тютчева идеализирует именно эти, самовластные деяния: «Петр I был один, декабристы — горстка людей. Влияние отдельных личностей не так ничтожно, как склонны думать; личность — живая сила, могучий бродильный фермент, — даже смерть не всегда прекращает его действие. Разве не видели мы неоднократно, как слово, сказанное кстати, заставляло опускаться чашу народных весов, как оно вызывало или прекращало революции?» [Герцен 7: 243–244]. «Чрезвычайные противуречия нашей несложившейся жизни, шаткость всех юридических и государственных понятий делает, с одной стороны, возможным самый безграничный деспотизм,

крепостное состояние, военные поселения, с другой — обусловливает легкость переворотов Петра I, Александра II. Человек, живущий en garni¹, гораздо легче переезжает, нежели тот, кто обзавелся домом» [Герцен 5: 13]. Герцену кажется, что, «имея власть в руках и опираясь, с одной стороны, на народ, с другой — на всех мыслящих и образованных людей в России, нынешнее правительство могло бы сделать чудеса, без малейшей опасности для себя. Такого положения, как Александр II, не имеет ни один монарх в Европе, — но кому много дается, с того много и спросится!..» [Герцен 13: 29].

Такого же мнения о Петре I придерживался и Некрасов. Его герой, народный заступник в поэме «Несчастные», преклоняется перед царем-реформатором,

Кому в царях никто не равен,
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой,
Он видел след руки Петровой
В основе каждого добра [Некрасов 4: 44]

Некрасов склонен был видеть в Александре II преемника Петра I. Он питал надежды, что

В права вступает просвещение
Уходит мрак... кругом светлей,
И быстро царство молодое
Шагает по пути добра,
Как в дни Великого Петра... [Некрасов 4: 325]

В то же время в оценке Петра Некрасов оставался на позициях, существенно отличающихся от его соратников, революционеров-демократов «Современника». В «Заметках при чтении “Биографических сведений” о Некрасове...» Н. Г. Чернышевский вспоминал: «В тот день, когда было обнародовано решение дела, я вхожу утром в спальную Некрасова. <...> Он лежит на подушке головой, забыв о чае, который стоит на столике подле него. Руки лежат вдоль тела. В правой руке тот

¹ В меблированных комнатах (*франц.*)

печатный лист, на котором обнародовано решение крестьянского дела. На лице выражение печали. Глаза потуплены в грудь. При моем входе он встрепенулся, поднялся на постели, стискивая лист, бывший у него в руке, и с волнением проговорил: “Так вот что такое эта “воля”. Вот что такое она!” — Он продолжал говорить в таком тоне минуты две. Когда он остановился перевести дух, я сказал: “А вы чего же ждали? Давно, было ясно, что будет именно это”. — “Нет, этого я не ожидал”» [Чернышевский I: 746].

Манифест не случайно поразил Некрасова («Нет, этого я не ожидал») и вызвал у него чувство горького разочарования. За этим стояла вера поэта в творческую инициативу Александра II. Потрясение, пережитое Некрасовым в год опубликования Манифеста, было настолько глубоким, что девять лет спустя, в 1870 г., он еще раз вернулся к поэтическому изображению этих событий в поэме «Притча».

Смысл «Притчи» прозрачен. В начале своего царствования Александр II казался поэту «бодрым и смелым» царем, бескорыстно любившим «народ и страну», задумавшим «славное дело»:

И сделался царь молчалив, нелюдим,
Надолго отрекся от света
И начал над планом великим своим
Работать в тиши кабинета.
И Бог помогал ему — план поражал
Изыществом, стройной красою,
И царь приближенным его показал
И был возвеличен хвалою [Некрасов 3: 66].

На призыв царя откликнулись народные заступники, лучшие люди России:

На каждую отрасль обширных работ
Нашлись способные люди
И двинулись дружной семьею в поход
С запасом рабочих орудий.
Давно они были согласны вполне
С царем, устройтелем края,
Что новый палладиум нужен стране,

Что старый — руина гнилая.
И шли они с гордо поднятым челом,
Исполнены честного жара:
Их мускулы были развиты трудом
И лица черны от загара.
И вера сияла в очах их; горя
Ко славе отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью!
Рабочие люди в столицу пришли,
Котомки свои развязали,
Иные у старого храма легли,
Иные присели — и ждали... [Некрасов 3: 67].

Обратим внимание, что явившиеся в столицу строители нового «храма» напоминают мужиков-правдоискателей из «Размышлений у парадного подъезда» («Развязали кошли пилигримы»). Некрасов не отделяет судьбу «народных заступников» от судеб многострадального русского крестьянства.

А далее происходит уже знакомая нам по некоторым стихам Некрасова 1850-х гг. история: приближенные к царю вельможи, люди либеральных убеждений, внушили ему недоверие к демократическим силам России:

А это пришельцы... Суровость их лиц
Пророчит недоброе что-то,
Их надо подальше держать от столиц,
У них на уме не работа! [Некрасов 3: 68].

Обманутый царь передал строительство «нового храма» в руки своекорыстных, вельмож:

И вышел указ... И за дело тогда
Взялись празднoлюбцы и воры...
А люди, стoравшие жаждой труда
И рвеньем, сдвигающим горы,
Связали котомки свои — и пошли,

Стыдом неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую в сердце несли,
Ни с чем уходя, пилигримы... [Некрасов 3: 68].

Так трагически сошлись, по мнению Некрасова, пути мужиков-правдоискателей («И пошли они, солнцем палимы») с тернистыми путями народных заступников. А царь остается в финале «Притчи» страдательным лицом:

Над чем, напрягая взыскательный ум,
Он плакал, ликуя душою?
Нет! Это не плод его царственных дум!..
Царь грустно поник головою. <...>
И тотчас же им разойтись приказал,
А сам, перед капищем сидя,
О плане великом своем тосковал,
Его воплощенья не видя... [Некрасов 3: 70–71].

Царь наказан за легковёрность, но Некрасов не исключает той мысли, что, будь на его месте более умный, одаренный и боговдохновенный преемник, судьба России могла бы сложиться иначе.

Таким образом, в «Заметках при чтении “Биографических сведений” о Некрасове...» Чернышевский показал существенное отличие своего взгляда на реформы «сверху» от мнений Некрасова. Питавший монархические иллюзии, национальный поэт глубоко переживал, когда эти иллюзии разрушала суровая действительность.

III

Реформы Петра Великого расшатали устои Православной Церкви. Лишенная своего владыки, униженная Церковь была вынуждена признать, что место патриарха в ней занял монарх. Впервые в нашей истории ему были воздвигнуты памятники. Над Петербургом вознесся не Бог, а «кумир на бронзовом коне». Но тут же возникла неразрешимая проблема, связанная с тем, что русский народ не признал царя святым, а заодно усомнился в авторитете не только царя, но и церкви. Митро-

полит Вениамин (Федченков) писал: «Вдумаешься — и жутко становится... А еще многие думают, что до революции все было будто бы прекрасно... Нет и нет! Столбы уже подгнили. Крыша еще держалась, а фундамент зашатался. И никакие подпорки не могли исправить нашего дома» [Митрополит Вениамин: 36].

Значительная часть русского крестьянства в эпоху царствования Романовской династии порвала с Русской Православной Церковью и ушла в раскол. А после революции в некоторой части раскольнических кругов появилась вера в большевистскую власть. Николай Клюев посвятил В. И. Ленину специальный цикл, который открывали такие восторженные стихи:

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».
Мужицкая ныне земля,
И церковь — не наймит казенный,
Народный испод шевеля,
Несется глагол красноречивый... [Клюев: 39]

О глубокой укорененности монархического инстинкта в русском национальном сознании свидетельствует удивительная история, случившаяся в начале 1920-х гг. в старообрядческом селе Урень Варнавинского уезда Костромской губернии. Рассказал о ней Б. Н. Ширяев в третьей части книги «Неугасимая лампада» — «Летопись мужицкого царства» [Ширяев: 138–232].

В первые годы советской власти уренские мужики решили на сходке создать народное самоуправление. Рассудили, что ничего тут нет противозаконного: есть же приказ товарища Ленина утверждать на местах народную власть. Значит, и жители Урени «свою власть сотворить в полном праве».

И пришло им в голову избрать царем своего односельчанина Петра Алексеевича. «Был он мужик небогатый, но все же в достатке: двор справный, изба чистая о пяти стен, скотинка удойная, огород и все, что по крестьянству требуется. Но не за достаток почитали в Уренях Петра Алексеевича, а за правильность. Помрет ли кто, а сыны миром

поделить достояние не могут — зовут Петра Алексеевича: “Раздели по-Божески”. Баловство ли какое произойдет, так допреж того, как на сходе разбирать, идут к Петру Алексеевичу: “Так и так, мол, вот что случилось... Что будем с охальником делать?” Сам покойный старшина Мелетий, прежде чем свое слово последнее сказать, всегда Петра Алексеевича спрашивал, и как тот скажет, так тому и быть» [Ширяев: 172].

«Росту он был преогромного, аккурат сажень без вершка, и силы непомерной. На медведя всегда один ходил и ружья с собой не брал, а по древности — нож-полосач и рогатину. Когда в младости на призыв ставился, так господин воинский начальник, глядя на него, инда заплакал: “Стоять бы тебе, — говорит, — Алексеев за императорским тронем в золотой броне да в славном кавалергардском мундире...”» [Ширяев: 173].

Долго обдумывали мужики свой замысел: «Царь есть помазанник Божий, откуда же сие Уреням? Однако же цари российские из Ипатьева монастыря вышли, и хоромы их там доселе нерушимы стоят, монахи по ним богомольцев водят. И царя в те поры на Руси не было, а вступил он на царство по народному избранию, утвержденному праведным патриархом. До окаянного Никона дело было». Успокоились, собрали сходку, объявили: «“Своего царя избираем, а кого хотите звать на царство — того кричите!” И крикнул весь народ одним голосом: “Хотим государя Петра Алексеевича, кроме его никого!”» [Ширяев: 183].

«В моленной помазали соборно при малом народе, в церкви же на молебствие окромя старцев все Урени сошлись. Правда, больше вокруг храма стояли. Благолепно все было. Сам Петр слезно молился, не вставая с колен, и мужики стояли истово. Все разумели: “Дело великое!”» [Ширяев: 185].

Но как только установился санний путь, покрылись толстым слоем льда непроходимые уренские болота, — нагрянула в село вооруженная советская власть, арестовала Петра и всех его сообщников, увезла в Кострому на суд. Суд был скорый, и выпало на долю Петра Алексеевича десять лет каторжных работ на Соловках.

Но и здесь уренский мужик не потерял своего царственного достоинства. Враз укоротил он бесчинства лагерной шпаны. «И не физическая сила уренского богатыря играла в этом главную роль, но

подсознательно понятая шпаной мощь его духовного превосходства» [Ширяев: 226].

Узнало об этом и лагерное начальство. «Комендант Соловков Ногтев вызвал Петра Алексеевича к себе в кабинет, внимательно осмотрел его мутными, пьяными глазами, обошел кругом, как около жеребца на базаре, и, сплюнув сквозь зубы, раздумчиво произнес: “Да... кабы такой сидел вместо Николки, пожалуй, и революции бы не было... Иди!”» [Ширяев: 226].

Подкосила последнего мужицкого царя в 1926 г. на Соловках страшная эпидемия тифа: «Утром на работе, как всегда неторопливо и размеренно, выполнил он обычный урок, но, войдя в ворота кремля, не завернул в свой корпус, а, пройдя шумный в эту пору дня двор, стукнул дверь в шестую роту, где концентрировалось православное и католическое духовенство.

— К отцу Сергею...

Самый старый из всех ссыльных священников отец Сергей Садовский приоткрыл дверь кельи.

— Ко мне? Чем могу... — и удивленно огладил свою седую бороду, разглядев выцветшими глазами знакомую всем фигуру посетителя.

— Исповедуйте, батюшка, и допустите к причастию...

— Да ведь ты... вы как будто старой веры придерживаетесь?

— У Господа все веры равны. Помирать буду.

— Впустите, — приоткрыл дверь священник, и лишь спустя долгий час вышел из кельи уренский царь Петр, дав там ответ Богу в своих великих и малых мужицких грехах и приняв из круглой некрашеной мужицкой ложки сок клюквы и тяжкий арестантский хлеб, претворенные Таинством подвига и страдания в Тело и Кровь Искупителя» [Ширяев: 229].

«Петра Алексеевича никто не провожал в его последнем земном пути. Ухаживавшая за обреченными и вскоре умершая сама баронесса Фредерикс рассказывала потом, что, раздевшись и улегшись на покрытый соломою пол барака, Петр Алексеевич перекрестился и вытянулся во весь свой огромный рост, словно готовясь к давно желанному отдыху.

В лазарете он не сказал ни слова. Молчал и в беспомощности. Агонии никто не видал, и смерть его была замечена лишь на утреннем обходе.

Старая фрейлина трех венчаных русских цариц закрыла глаза невенчанному последнему на Руси царю, несшему на своих мужицких плечах осколок великого бремени подвига державного служения» [Ширяев: 230].

* * *

Так в начале XX в. пришли к глубокому кризису государственные устои русского царства. Марксистская идеология пришла на смену тысячелетней Православной вере. Однако шли годы, и эти устои расшатывались, истончались. На опасность нашего буржуазного перерождения еще в 1937 г. указал русский философ Н. А. Бердяев. «Ненависть русских коммунистов к христианству, — писал он, — заключает в себе противоречие, которого не в состоянии заметить те, чье сознание подавлено коммунистической доктриной. Лучший тип коммуниста, т. е. человека, целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ, вследствие переработки натурального человека христианским духом. Результаты этого христианского влияния на человеческие души, чисто незримого и надземного, остаются и тогда, когда в своем сознании люди отказались от христианства и даже стали его врагами. Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма сделается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах. Этот последний тип и сейчас уже играет не малую роль и от него идет процесс обуржуазивания» [Бердяев: 138–139].

«Ахиллесовой пятой» марксистской идеологии было отрицание бессмертия человеческой души. Она упорно утверждала жизненную философию, согласно которой человек не обладает вечным духом, а наделяется природой лишь временным сознанием. При отрицании бессмертия вместо обещанного коммунизмом развития высоких духовных качеств в советских людях все более и более утверждались эгоистические, грубо материальные страсти. Советский человек свертывал свои духовные крылья и привязывался к плоти

земного бытия. Социалистическая система в своей поздней фазе со всей очевидностью загнивала. Это осознавали все здравомыслящие люди.

Вспомним пророческие слова Достоевского, который в «Записной тетради 1875–1876 гг.» предсказал: «Я убежден, что судьей Европы будет Россия, она придет к нам с коммунизмом, рассудить ее. *И Россия решит все вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением.* Все — в будущем столетии» (Курсив мой. — Ю. Л.) [Достоевский 24: 147].

Список литературы

- Белинский В. Г.* Собрание сочинений: в 9 т. / редкол. и вступ. статья Н. К. Гей и др. М.: Худ. лит., 1976–1982.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966.
- Даль В.* Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1984. 383 с.
- Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М.; Л.: Гослитиздат, 1961–1964.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Карамзин М. Н.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.
- Катков М. Н.* Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
- Клюев Н.* Сочинения URL: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/klyuev/3/j0.html. (дата обращения: 02.04.2020).
- Митрополит Вениамин (Федченков).* О вере, неверии и сомнении. М.: Русло, 1992. 224 с.
- Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
- Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. М.: Искусство, 1973–1980.
- Порох И. В.* Герцен и Чернышевский. Саратов: Саратовское кн. изд-во. 1963. 212 с.
- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977–1979.
- Солоневич И.* Народная монархия. М.: Феникс, 1991. 512 с.
- Тютчев Ф. И.* Лирика. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1966. 312 с.
- Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: в 15-ти тт. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского и др. М.: Гослитиздат, 1939–1953.
- Ширяев Б.* Неугасимая лампада. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2003. 432 с.

References

- Belinskii V. G. *Sobranie sochinenii: v 9 t. / redkol. i vstup. stat'ia N. K. Gei i dr.* [Collected works: in 9 vols., ed. and entry. article by N. K. Gey et al.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1976–1982. (In Russ.)
- Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka Publ., 1990, 224 p. (In Russ.)
- Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t.* [Collected works: in 30 vols.]. Moscow. Izd-vo Akad. Nauk Publ., 1954–1966. (In Russ.)
- Dal' V. *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t. T. 1* [Proverbs of the Russian people in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Khud. lit. Publ., 1984, 383 p. (In Russ.)
- Dobroliubov N. A. *Sobranie sochinenii: v 9 t. / pod obshch. red. B. I. Bursova i dr.* [Collected works: in 9 vols.]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1961–1964. (In Russ.)
- Dostoevskii F. M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Full collected works: in 30 vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
- Karamzin M. N. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniiakh* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 127 p. (In Russ.)
- Katkov M. N. *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of security]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009, 800 p. (In Russ.)
- Kliuev N. *Sochineniia* [Works] URL: http://rulibs.com/ru_zar/poetry/klyuev/3/j0.html. (access date: 02.04.2020). (In Russ.)
- Mitropolit Veniamin (Fedchenkov). *O vere, neverii i somnienii* [About faith, unbelief and doubt]. Moscow, Ruslo Publ., 1992, 224 p. (In Russ.)
- Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t.* [Full collected works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
- Ostrovskii A. N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t. / pod obshch. red. G. I. Vladykina i dr.* [Full collected works: in 12 vols. ed. by G. I. Vladykin et al.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973–1980. (In Russ.)
- Porokh I. V. *Gertsen i Chernyshevskii* [Herzen and Chernyshevsky]. Saratov: Saratovskoe kn. izd-vo Publ., 1963, 212 p. (In Russ.)
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Full collected works: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)
- Solonevich I. *Narodnaia monarkhiia* [People's monarchy]. Moscow Feniks Publ., 1991, 512 p. (In Russ.)
- Tiutchev F. I. *Lirika. V 2 t. T. 2.* [Lyrics in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 312 p. (In Russ.)
- Chernyshevskii N. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 15-ti tt. / pod obshch. red. V. Ia. Kirpotina, B. P. Koz'mina, P. I. Lebedeva-Polianskogo i dr.* [Complete works: in 15 vols., ed. by V. Ya. Kirpotin, B. P. Kozmin, P. I. Lebedev-Polyansky, etc.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1939–1953. (In Russ.)
- Shiriaev B. *Neugasimaia lampada* [Unquenchable lamp]. Moscow: Izd. Sretenskogo monastiria Publ., 2003, 432 p. (In Russ.)